

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 20, Is. 4, pp. 313-321, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.20.313
www.ejournal15.com

Articles and Statements

UDC 398.3+391.9

Functions of Traditional Costume in Contemporary Russia

Varvara E. Dobrovolskaya

State Republican Center of Russian Folklore
FGBIC "Centre of cultural strategies and projecting "Roscultproekt", Russian Federation
6, Turchaninov Side-street, Moscow 119034
PhD (Philology)
E-mail: dobrovolska@inbox.ru

Abstract

The article deals with functions of traditional costume in modern Russian society. Folk costume had completely lost its utilitarian function, which is only partly preserved in closed confessional communities. Aesthetic function of costume is also almost completely lost and became subject of students of arts, collectors, restorers, etc. On the other hand, traditional costume acquired some new features. Traditional clothing is now actively used in ritual practices, plays the role of memory sign, sign of femininity or exclusiveness. Nowadays pseudo-traditional costume is an indispensable attribute of official functions, the active element of advertising campaigns, etc. At the same time, functions of traditional costume are partly taken by modern one.

Keywords: behavioral norms, beliefs, ethnography, folk costume, folklore, traditional narrative.

Введение

В 1937 г. вышла книга П.Г. Богатырева, посвященная функциям народного костюма Моравской Словакии [1] (русский перевод [2]). В этой работе впервые было отмечено различие между народным костюмом и городской одеждой: «Костюм по многим своим чертам является антиподом одежды, подчиняющейся моде. Одна из основных тенденций модной одежды – легко изменяться, причем новая модная одежда не должна походить на предшествовавшую ей. Тенденция же костюма – не изменяться, внуки должны носить тот же костюм, что и деды» [3].

На символическое значение одежды обращали внимание многие специалисты и до П.Г. Богатырева. Достаточно вспомнить статью Н.И. Гаген-Торн, вышедшую несколькими годами раньше, в которой она писала, что «одежда – паспорт человека, указывающий на его племенную, классовую, половую принадлежность, и символ, характеризующий его общественную значимость» [4]. Однако именно П.Г. Богатырев указал на необходимость «установить, какие функции приобретает деревенская одежда после того, как изменилась ее форма и материал, и она сблизилась или полностью слилась с городской одеждой» [5].

Материалы и методы

В работе использованы общелингвистические методы: семиотический метод, метод интертекстуального анализа, нарративный метод и методика «конкретного литературоведения». Статья основана на полевых материалах, собранных автором, а также хранящихся в архивах Государственного республиканского центра русского фольклора и Центра тверского краеведения и этнографии при Тверском государственном университете.

Обсуждение и результаты

Анализируя материалы, собранные во Владимирской, Ярославской, Московской и Тверской областях, можно с уверенностью сказать, что на этих территориях Центральной России народный костюм наделялся широким кругом значений и функций. Он служил маркером возраста, пола, семейного, социального, сословного и имущественного положения, а также этнической и конфессиональной принадлежности. Он мог указывать на профессию человека и его роль в различных ритуальных практиках и т.д. До настоящего времени представления о функциях народного костюма с известными оговорками сохраняются в народной памяти и вербализуются в форме поверий, запретов, предписаний и т.п. Многие функции традиционного костюма приписываются современной одежде [6].

Однако в современных условиях у народного костюма и его отдельных элементов стали не только меняться традиционно присущие ему функции, но и в некоторых случаях появляться новые, изначально ему не свойственные.

Прежде всего, традиционная одежда приобрела функцию, которой у нее никогда не было, – она стала знаком памяти. Так, почти все собиратели сталкивались с тем, что в семьях, где мужчины вернулись с войны, традиционные рубахи обычно не сохранились. И это понятно, вернувшись с войны в голодную и разоренную деревню, мужчины донашивали военную форму и старые довоенные вещи. Образ фронтовика, одетого в косоворотку или гимнастерку, активно эксплуатировался кинематографом и литературой. И недаром покупка «городской» одежды именно для мужчин стала неким знаком улучшения жизни, стабильности и относительного благополучия: «Папа вернулся с войны, ходил в рубахах, пестрых, еще бабка ткала, мама, из холстины, из домотканины. Нам там как уж... И вот на отрез копили – сами шили, или вот покупные платья. Тут копили. И нам, и маме. А папа все так и ходил. А потом ему, уж не знаю как, а вот костюм с рубашкой купили городской. Брюки и пиджак, и рубашку, как сейчас, на пуговках, раньше через голову одевали, а тут городская, на пуговках. И вот жизнь тут уж пошла. Наладилось после войны все как-то» [7].

Иная ситуация была в тех семьях, где муж не вернулся с фронта. Вдовы хранили рубахи, а иногда и полный праздничный костюм мужа в неприкосновенности. Особенно это распространено в тех семьях, где была получена не похоронка, а информация о том, что муж пропал без вести. Считая мужа живым, женщина хранила его одежду, не отдавала ее даже подросшим сыновьям. В данном случае хранению одежды приписывалась обережная функция: считалось, что пока одежда, принадлежащая человеку, который находится в опасных для жизни условиях, не используется другими, он будет жить (подробнее об этом см.: [8]).

Однако постепенно сохраняемая, но не используемая одежда прошлого, в том числе традиционная, становилась всё более коммеморативной по функции. Деревенские жители сохраняли некоторые вещи своих старших родственников уже не как оберег, а как память о них. Фразы «это рубашка папы», «это мамин праздничный платок», «это бабушкин сарафан» – приходится слышать довольно часто. Для многих фрагмент традиционного костюма – это некий знак, указывающий на осознаваемую данным человеком связь со своими родными. Постепенно, особенно у городских жителей первого или второго поколения, которые родились и выросли в деревне или проводили там много времени в детстве, традиционная одежда старших родственников начинает ассоциироваться с местом рождения, детством, проведенным в деревне и т.п.

Народный костюм сейчас ушел из повседневного быта большинства сельских жителей. Появление в повседневной деревенской жизни людей в традиционной одежде связано обычно с их конфессиональной принадлежностью. Так, в ряде старообрядческих общин традиционный костюм становится своеобразным знаком принадлежности к «своим». В тех

случаях, когда старообрядческие общины перестают строго придерживаться «правильной веры», традиционный костюм уходит из бытовой жизни, но сохраняется в религиозной жизни. Так, казаки-некрасовцы из п. Новокумский Левокумского района Ставропольского края надевают традиционный костюм только на моления, а в повседневной жизни в настоящее время одеваются так же, как и их соседи-никониане. Однако для местного населения традиционный костюм некрасовцев в значительной степени стал «представительской» одеждой и сценическим костюмом. И если для выступлений он пока еще используется нечасто¹, то как представительский, брендовый костюм региона, в рамках деятельности в области этнотуризма костюм некрасовцев задействован уже очень активно. Напротив, старообрядцы часовенного согласия из стран Южной Америки, особенно замужние женщины, используют народный костюм в повседневном быту так же, как и раньше, и костюм играет роль знака конфессиональной принадлежности [9].

В жизни большей части русского населения нашей страны традиционный костюм утратил свои практические функции. Действительно, сегодня традиционный костюм вряд ли можно рассматривать только с позиций бытового удобства – как наилучшим образом защищающий от жары, холода и соответствующий условиям сельского труда. В то же время на современную одежду не только была перенесена практическая функция традиционного костюма. Сформировался своеобразный комплекс женской одежды, считающейся наиболее приспособленной к сельскохозяйственным работам на приусадебном участке. Именно он осознается как одежда наиболее «правильная», соответствующая местным условиям труда и включающая людей в круг «своих»: «Когда городские покупают <дома>, их сразу видно. Они в чем работают – в джинсах там, в свитерах, ботинки. Неудобно, и за день развязать-завязать приходится... И вот то куртку наденут, то кофту. Наши одеты удобно и немарко. Приезжие говорят – рванье одеваем, это неправда, вещи добротные, не в рванье ходим. Вот в огороде удобно как: значит вот штаны спортивные, трико такие: шерстяные или потом вот хлопковые, носки шерстяные, калошки лакированные или, кто победнее, сапоги резиновые старые обрезают, там кофту какую, если холодно, а так рубаху, и сверху халат, поясицу закрывает и мошка не прокусит, и фартук. А на голову платок или, если холодно, шапку вязану, но платок он сподручней, утереться или что. Мы их для работ и покупаем, у нас лавка привозит или вот в городе покупаем, чтоб было» [10].

Как видно из этого описания, главная функция данной одежды – ее удобство: она не пачкается, точнее, на ней не видна грязь (немаркая), удобна (галоши не нужно развязывать, входя в дом, платком можно вытирать лицо, халат защищает от мошки и т.д.). Это собранный комплект, а не набор старых вещей, которые не жалко испачкать; они специально покупаются для работы. Таким образом, практическая функция данного комплекта совершенно очевидна. В то же время у него появляется и другая функция – идентифицирующая. Чужие работают в другой, «неправильной» одежде, по которой и можно определить, что они чужие. Надо отметить, что если по каким-либо причинам чужая одежда удобнее, она будет заимствоваться и станет «своей» (подробнее об этом см.: [11]).

Могут наблюдаться и обратные процессы. Так, у русских Тверской губернии существовал специальный костюм для уборки льна – «ленек», это была богато украшенная вышивкой рубаха, поверх которой не надевался сарафан. Сначала она была принадлежностью только костюма Бежицкого уезда, но постепенно распространилась по всей территории губернии и вошла в обиход не только русских, но и карельских крестьянок [12].

В настоящее время в активном бытовании сохранились две вещи, которые входили в традиционный костюмный комплекс: это фартук и платок. О платке и его функциях в современном обществе написано несколько работ (см., например, [13]). Работ о роли фартука в современном обществе мы не знаем, хотя отдельные замечания об этой вещи встречаются в исследованиях специалистов по костюму [14]. Между тем фартук, не сохранив ни традиционной орнаментики, ни даже свойственной традиции формы, остается значимой

¹ В аутентичных костюмах поют на сцене преимущественно участники этнографического ансамбля «Некрасовские казаки» (поселок Новокумский), хотя в аналогичных костюмах (иногда аутентичных, иногда представляющих собой реплику) могут появляться и другие ансамбли, зачастую не имеющие к некрасовцам никакого отношения.

частью одежды. Ни одна «уважающая себя» деревенская женщина не будет работать без фартука.

Если для пожилых крестьянок фартук – это, прежде всего, функциональная рабочая одежда, то для более молодых женщин – это элемент украшения. Он имеет не только практическую (нужен во время работы), но и эстетическую функцию (нарядная вещь).

Фартук начинает восприниматься как символ женственности и домашнего уюта не только в деревне, но и в городе. Если вспомнить фильм «Афоня», то в мечтах Афанасия Борщова Елена Орлова, «красавица из 38 квартиры», видится ему в клетчатом (по моде конца 1970-х гг.) фартуке. Постепенно женщина в переднике становится не просто символом женственности: у фартука появляется еще одна функция – эротического символа. Недаром горничная в кружевном переднике или школьница в белом фартуке становятся любимыми персонажами сексуальных игр. Если П.Г. Богатырев писал о слиянии эстетической и эротической функции одежды [15], то в настоящее время ситуация иная. Эротическая функция одежды не всегда соединяется с эстетической. Скорее можно говорить о том, что первая становится доминирующей, подавляет не только эстетическую, но и практическую функцию многих вещей.

Надо отметить, что традиционный костюм всегда четко делился на повседневный и праздничный, который также в свою очередь подразделялся на воскресный, свадебный, пасхальный, рождественский, для гуляний и т.д. Когда произошла замена традиционного костюма на городской тип одежды, первоначально деление на праздничный и повседневный наряд сохранялось. Однако постепенно ситуация изменилась. Применительно к повседневной одежде стали употреблять характеристику «приличная». Так, женщина должна ходить на работу в повседневной, но «приличной» одежде. «Приличную» одежду нужно отличать от нарядной и праздничной, с одной стороны, и от домашней, с другой. В процессе опроса исполнителей, проживающих в провинции, удалось составить представление о «приличной одежде». В такой одежде ходят только на работу, ею не могут быть брюки и даже брючные костюмы, она должна быть женственной, не должна быть «парадной», это не должно быть платье. Совершенно понятно, что речь идет о юбке и блузке, причем именно блузке, а не рубашке. Женщина должна появляться на работе в блузке, юбке, чуть выше или чуть ниже колена (длинные юбки не считаются «приличными» для большинства женщин, за исключением молодых секретарш, сидящих в приемных представителей администрации, но для этой категории существуют свои правила в одежде), туфлях на среднем каблуке (лучше всего, чтобы это были классические лодочки) и пиджаке (хотя он не обязателен). «У нас на работу в нарядном не ходят. Тут надо в приличное одеваться. Юбку – только солнце не носят, четырех- или шестиклинку, прямую, ну, можно колокольчик. Блузку, белую или там розовую, в полосочку, в горошек, стоечкой или там с отложным воротником. Ну можно пиджак, а можно и без него. Зимой можно вместо блузки джемпер такой нарядный одеть, не свитер, а такую как... ну с пуговками, с вставками какими-нибудь. Туфли на каблуке, ну не на шпильке высокой, а на таком устойчивом, но на каблуке. Ну, лодочки такие. Ну, шарфик или там бусики, сережки, кольцо <обручальное> – это обязательно, если замужем. Женщина на работу ходит как на работу, а на праздник – как на праздник. Одежда у нас для каждого случая своя» [16].

Таким образом, жители сел и малых городов выработали свой «дресс-код», в значительной степени противостоящий правилам крупных городов, для населения которых важны другие характеристики одежды. Жители больших городов, говоря об одежде для работы, скорее будут ориентироваться на ее удобство и престижно-символическое значение (соответствие моде и высокую цену), в провинции, напротив – на устоявшиеся представления о «красоте» и стандарте.

Надо отметить, что традиционный костюм, выйдя в настоящее время из повседневного обихода, продолжает активно функционировать в качестве «одежды избранных». Костюмы в этническом стиле начинают использоваться творческой интеллигенцией как оппозиция массовой одежде. Этнические элементы были связаны в основном с африканским или индейским стилем. Только высокая мода могла обращаться к русскому традиционному костюму. На рубеже XIX–XX вв. к нему обратилась Н.П. Ламанова. Позднее апологетом народного костюма стал В. Зайцев, в коллекциях которого активно задействованы идеи именно русского традиционного костюма. Нужно отметить, что после первых коллекций

В. Зайцева к традициям русского костюма обратились и западные модельеры. Особенно показательны в этом отношении коллекции домов моды Шанель и Валентино. В настоящее время традиции народной одежды активно используют в своем творчестве В.Н. Аверьянова и Алена Ахмадулина. Но в данном случае мы имеем дело не с народным костюмом, а с творчеством дизайнеров. Можно говорить, что в этом случае у народного костюма появляется еще одна функция – быть источником вдохновения и поставщиком идей для авторского творчества. Однако, если одежда в этническом стиле довольно популярна среди представителей определенных социальных групп, то надеть настоящий народный костюм (этнографический оригинал, копию или даже реплику) в повседневной жизни отваживаются немногие. И в данном случае причина кроется в понимании естественности и уместности традиционного костюма.

Совершенно очевидно, что в рамках определенных культурных проектов народный костюм уместен и даже необходим. Так, на различных выставках и показах этнографического костюма появление людей в подобного рода одежде не вызывает никакого удивления, даже если они не являются участниками показов. Есть проекты, участники которых показывают и традиционную одежду, и модели, созданные на основе народного костюма. Например, проект «Мода от народа» (г. Подольск) в своих коллекциях активно использует традиции народного костюма Южного Подмосковья. Необычайно уместен народный костюм в работе с детьми. Многие методисты, которые учат детей основам традиционных ремесел, ведут свои занятия в народных костюмах, соответствующих изучаемой традиции или традиции региона, в котором проходят занятия. Иногда проект подразумевает именно противопоставление повседневной одежды и традиционного костюма. Так, в фотопроекте Аллы Соловской «Против течения» модели в народных костюмах позировали на улицах Москвы среди повседневно одетых горожан, именно противопоставляя традиционный костюм современной одежде.

Наконец, в традиционных костюмах могут проходить выступления фольклорно-этнографических ансамблей. Во многих случаях аутентичность исполнения дополняется и аутентичностью костюма. Хотя и здесь возникают определенные вопросы. Например, появление женщин зрелого возраста в костюмах молодых замужних женщин. Понятно, что костюм молодухи чаще всего является самым ярким и красочным. Однако будучи надетым на женщину не той возрастной группы, которой он предназначен (пусть даже прекрасно выглядящую), костюм выглядит неестественно и создает ощущение некой «ряжености». В этом отношении очень показателен пример ансамбля «Русская музыка», в котором в определенный момент одна из участниц поменяла поневу, вышитую красными нитками, и яркий фартук на комплект более спокойной расцветки: поневу, расшитую бордовыми нитками и темный фартук, объясняя это тем, что подобная расцветка больше соответствует ее возрасту. Этим принципом руководствуются и участники других ансамблей, меняя рубахи с богатой красной вышивкой, которые входят в костюм молодых женщин в Большебыково, на рубахи с менее богатым декором (хотя надо признать, что на вышивку белым по белому, которая характерна для одежды старух, пока не отважился никто). В ряде случаев традиционный костюм рассматривается самими исполнителями как неуместный. И речь не идет о каких-то популярных ансамблях, рассчитанных на массового зрителя. Так, ансамбль Н.Г. Бабкиной не выходит на сцену в традиционных костюмах в большинстве своих программ, руководствуясь тем, что они исполняют народные песни в обработке, определенным образом переосмысленные. И соответственно, исполняя неаутентичный материал, они могут позволить себе появляться в моделях, использующих фольклорные мотивы. Заметим, что совершенно другой по стилистике ансамбль – ансамбль Д.В. Покровского – тоже отнюдь не всегда появлялся на своих выступлениях в аутентичных народных костюмах. И причина этого также была связана с понятием уместности традиционной одежды в тех или иных условиях. Стремясь современными выразительными средствами и способами подачи материала познакомить людей с фольклорным наследием страны, участники ансамбля могли появиться на сцене и в аутентичных костюмах, и в своеобразных стилизациях под народную одежду, и использовать отдельные элементы традиционного костюма, и даже выступать в современной одежде. Все это было тесно связано с исполняемым репертуаром. Но в любом случае речь идет о бытовании

традиционного костюма на сцене, в некоем противопоставлении его носителя и смотрящего на него зрителя.

Совершенно иная ситуация – это появление человека в традиционной одежде или даже в каком-то элементе народного костюма на научной конференции. Безусловно, некоторые руководствуются тем, что согласно дипломатическому протоколу национальный костюм позволителен даже на официальных приемах. Однако, это своеобразное лукавство. Действительно в двух случаях дипломатический протокол позволяет появляться в национальной одежде. Во-первых, если мероприятие посвящено решению национальных вопросов и, во-вторых, если это оговорено в протоколе отдельным пунктом; как правило, это связано с необходимостью привлечь внимание к тому, что происходит в стране. Для научных конференций протокола обычно не существует, но проблема даже не в этом. Элементы народного костюма становятся некими маркерами «народности» и выполняют функцию средства противопоставления носителя такой одежды людям «далеким от народа». Например, М.А. Шолохов изображался на портретах в рубахах с вышивкой, что должно было быть знаком его социальной идентификации и связи с «глубинной народной культурой»; такими средствами создавался образ «писателя из народа». Д.М. Балашов ходил в косоворотке и сапогах, подчеркивая свою связь с тем укладом жизни, который был в России до 1917 г. Народный костюм начиная с середины XIX в. выступал как знак «вольномыслия», ориентации на народ в противовес официальной государственности (см. армяки славянофилов, косоворотку и сапоги М. Горького). Появление в одежде с этническими элементами и позднее являлось своего рода декларацией независимости от общей «линии партии».

Если человек не стремится противопоставить себя коллективу, а «просто любит» народный костюм, то его появление на официальном мероприятии в такой одежде выглядит странно. Прежде всего, потому что для России не существует понятия *национальный костюм*. В русской традиции костюм всегда узколокален, а, следовательно, он несет информацию о регионе, а не обо всей стране. И понятие национального костюма в России не сформировано. Так, говоря об испанском национальном костюме, мы имеем в виду одежду, которая стала фактом изобразительной культуры в XVIII–XIX вв. и формированию которой способствовала культура махо. Но костюм баска отличается от костюма жителя Валенсии, и оба они не похожи на костюмы крестьян Кордовы, но именно костюм махо становится знаком национальной самоидентичности испанцев. Когда мы говорим о национальном костюме шотландцев, то обычно говорим о килте, сшитом из тартана, хотя в полный комплект одежды входят куртка-дуплет, гольфы, плед, берет с помпоном, башмаки с металлическими пряжками и спорран. Для любого шотландца важен именно цвет тартана, который связан с определенным кланом, регионом или городом, знаменательным событием или военной частью, но для всех остальных эта информация не имеет значения. Аналогичная ситуация с баварским костюмом. Для окружающего мира его отличительными признаками являются кожаные штаны, рубашка, жилет, сюртук, шляпа и галстук. Для баварца важна длина сюртука, вышивка, цвета, украшения, но эти детали не важны для всех остальных. Как сказано выше, единого представления о русском национальном костюме нет, хотя представление о «русском народном» есть, но связано оно с образом девушки с хлебом-солью в руках, которая была непременным атрибутом официальных встреч, а не этнографической реальностью какого-либо региона. Другое дело, что костюм, декларируемый как «русский народный», вряд ли мог таковым считаться, ибо был совершенно откровенной фантазией.

В последнее время народный костюм становится непременным атрибутом неоязычников или реконструкторов. В первом случае костюм отнюдь не всегда соответствует традиции, а скорее является плодом фантазий на тему «костюм древневосточного славянина», зато для реконструкторов соблюдение канонов – дело чести.

Стилизация традиционного костюма активно эксплуатируется в рекламе, где русская традиционная одежда становится знаком этнической самоидентификации и национального превосходства. Сюда же, наверное, следует отнести и использование стилистики традиционного костюма в сувенирной продукции.

Выводы

Итак, в течение XX в. функции традиционного костюма существенно изменились. Народный костюм полностью утратил свою утилитарную и в значительной степени эстетическую функции. Утилитарная функция сохранилась преимущественно в закрытых конфессиональных общинах, а эстетическая функция костюма стала предметом изучения искусствоведов, коллекционеров, реставраторов и т.п.

Но в то же время у традиционного костюма появился целый ряд не свойственных ему черт. Так, народная одежда, независимо от того, для чего она предназначалась изначально, стала активно использоваться в обрядовых практиках, играть роль знака памяти, быть синонимом женственности или избранности. В современных условиях псевдотрадиционный костюм – непереносимый атрибут официальных приемов, активный элемент рекламных кампаний и т.д. (прецеденты такого рода, впрочем, имелись уже в конце XIX в., но потом десятилетиями не отмечались).

В то же время функции традиционного костюма отчасти переходят и на современную одежду. Так, у деревенских жителей складываются свои особые комплексы повседневной и рабочей одежды, на которые переносятся функции народного костюма, прежде всего практическая и эстетическая. Такая важная функция, как указание на национальную и региональную принадлежность владельца для современной одежды утрачена почти полностью, а вот указание на сословную принадлежность человека сохранилось, хотя и трансформировалось в указание на его финансовые возможности. Именно этим объясняется присущее современной моде желание подчеркнуть бренд, выставить на всеобщее обозрение лейбл и т.д. Необходимо отметить и еще одно. П.Г. Богатырев писал, что народный костюм «подлежит цензуре коллектива», в то время как городская одежда более свободна. В настоящее время мы можем говорить о том, что современная одежда оказалась зажатой в тиски коллективной цензуры и в некоторых сферах городской жизни, вследствие чего понятия «правильная», «приличная», «соответствующая принятой норме» становятся для одежды всё более актуальными. И если в больших городах особенно ярко это проявляется в дресс-коде, принятом в крупных компаниях, то в провинции активно действует та самая «коллективная цензура», о которой писал П.Г. Богатырев.

Примечания

1. Bogatyrev P.G. Funkcie kroja na Moravskom Slovensku. Turciansky Sv. Martin: Matica slovenská, 1937.
2. Богатырев П.Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии // Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. С. 297–366.
3. Богатырев П.Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии. С. 299.
4. Гаген-Торн Н.И. К методике изучения одежды в этнографии СССР // Советская этнография. 1933. № 3–4. С. 120.
5. Богатырев П.Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии. С. 352.
6. Добровольская В.Е. Народный костюм и современная одежда: знаковые функции в прошлом и настоящем // Функционально-структурный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора. М.: ГИИ. 2015. С.284–292.
7. Респондент: Комиссарова А.М., 1921 г.р. Место проведения интервью: С. Владычное Пошехонского района Ярославской области // Архив Государственного республиканского центра русского фольклора (далее – ГРЦРФ). Коллекция 76-12-1996.
8. Добровольская В.Е. «Почему он с войны возвратился...»: запреты и предписания, обеспечивающие человеку возвращение с войны // Временник Зубовского института. 2011. № 6. С. 106–118.
9. Дынникова И.В. Младенческая и смертная одежда в культуре староверов-часовенных Латинской Америки // Живая старина. 2016. № 3. С. 37–41.
10. Респондент: Фадеева А.И., 1923 г.р. Место проведения интервью: пос. Спирово Спировского района Тверской области // Архив Центра тверского краеведения и этнографии при Тверском государственном университете (далее – Архив ЦТКиЭ). Ф. 9. П. 1. Ед. хр. 1.
11. Иванова А.А. Фольклор как идентификатор этнических сообществ (по материалам комплексных экспедиций в Пинежский район Архангельской области) // Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье (Семинар «Культурный ландшафт»: первый тематический выпуск докладов). М.: ФМБК, 1998. С. 43–44.
12. Калмыкова Л.Э. Народная вышивка Тверской земли. Л.: Художник РСФСР, 1981. С. 176.

13. Веселова И.С. Покров Богородицы и бытование платка в русской женской субкультуре // Живая старина. 1996. № 3. С. 7–9.
14. Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М.: Наука, 1984.
15. Богатырев П.Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии. С. 337.
16. Респондент: Кривцова Е.Д., 1962 г.р. Место проведения интервью: г. Торжок Тверской области // Архив ЦТКиЭ. Ф. 10. П. 3. Ед. хр. 12.

References

1. Bogatyrev P.G. Funkcie kroja na Moravskom Slovensku. Turciansky Sv. Martin: Matica slovenská, 1937.
2. Bogatyrev P.G. Funkcii nacional'nogo kostjuma v Moravskoj Slovakii // Bogatyrev P.G. Voprosy teorii narodnogo iskusstva. M.: Iskusstvo, 1971. S. 297–366.
3. Bogatyrev P.G. Funkcii nacional'nogo kostjuma v Moravskoj Slovakii. S. 299.
4. Gagen-Torn N.I. K metodike izuchenija odezhdy v jetnografii SSSR // Sovetskaja jetnografija. 1933. № 3–4. S. 120.
5. Bogatyrev P.G. Funkcii nacional'nogo kostjuma v Moravskoj Slovakii. S. 352.
6. Dobrovolskaja V.E. Narodnyj kostjum i sovremennaja odezhda: znakovye funkcii v proshlom i nastojashhem // Funkcional'no-strukturnyj metod P.G. Bogatyreva v sovremennyh issledovanijah fol'klora. M.: GII. 2015. S. 284–292.
7. Respondent: Komissarova A.M., 1921 g.r. Mesto provedenija interv'ju: S. Vladychnoe Poshehonskogo rajona Jaroslavskoj oblasti // Arhiv Gosudarstvennogo respublikanskogo centra russkogo fol'klora (dalee – GRCRF). Kollekcija 76-12-1996.
8. Dobrovolskaja V.E. “Pochemu on s vojny vozvernulsja...”: zaprety i predpisanija, obespechivajushhie cheloveku vozvrashhenie s vojny // Vremennik Zubovskogo instituta. 2011. № 6. S. 106–118.
9. Dynnikova I.V. Mladencheskaja i smertnaja odezhda v kul'ture staroverov-chasovennyh Latinskoj Ameriki // Zhivaja starina. 2016. № 3. S. 37–41.
10. Respondent: Fadeeva A.I., 1923 g.r. Mesto provedenija interv'ju: pos. Spirovo Spirovskogo rajona Tverskoj oblasti // Arhiv Centra tverskogo kraevedenija i jetnografii pri Tverskom gosudarstvennom universitete (dalee – Arhiv CTKiJe). F. 9. P. 1. Ed. hr. 1.
11. Ivanova A.A. Fol'klor kak identifikator jetnicheskikh soobshhestv (po materialam kompleksnyh jekspedicij v Pinezhskij rajon Arhangel'skoj oblasti) // Kul'turnyj landshaft Russkogo Severa: Pinezh'e, Pomor'e (Seminar “Kul'turnyj landshaft”: pervyj tematiceskij vypusk dokladov). M.: FMBK, 1998. С. 43–44.
12. Kalmykova L. Je. Narodnaja vyshivka Tverskoj zemli. L.: Hudozhnik RSFSR, 1981. S. 176.
13. Veselova I.S. Pokrov Bogorodicy i bytovanie platka v russkoj zhenskoj subkul'ture // Zhivaja starina. 1996. № 3. S. 7–9.
14. Maslova G.S. Narodnaja odezhda v vostochnoslavjanskijh tradicionnyh obyčajah i obrjadah XIX – nachala XX v. M.: Nauka, 1984.
15. Bogatyrev P.G. Funkcii nacional'nogo kostjuma v Moravskoj Slovakii. S. 337.
16. Respondent: Krivcova E.D., 1962 g.r. Mesto provedenija interv'ju: g. Torzhok Tverskoj oblasti // Arhiv CTKiJe. F. 10. P. 3. Ed. hr. 12.

УДК 398.3+391.9

Бытование русского народного костюма в современной России

Варвара Евгеньевна Добровольская

Государственный центр русского фольклора
 ФГБУК «Центр культурных стратегий и проектного
 управления (Роскультпроект)», Российская Федерация
 119034, Москва, Турчанинов переулок, 6
 Кандидат филологических наук
 E-mail: dobrovolska@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются функции традиционного костюма в современном российском обществе. Народный костюм полностью утратил свою

утилитарную функцию, которая лишь отчасти сохранилась в закрытых конфессиональных общинах. Эстетическая функция костюма также утрачена почти полностью. Она стала предметом изучения искусствоведов, коллекционеров, реставраторов и т.п. Но в настоящее время у традиционного костюма появился целый ряд не свойственных ему изначально черт. Народная одежда стала активно использоваться в обрядовых практиках, играть роль знака памяти, быть синонимом женственности или избранности. В современных условиях псевдотрадиционный костюм – неперенный атрибут официальных приемов, активный элемент рекламных кампаний и т.д. В то же время функции традиционного костюма отчасти переходят и на современную одежду.

Ключевые слова: народный костюм, поведенческие нормативы, поверья, традиционный нарратив, фольклористика, этнография.